

ФРИДРИХ НИЦШЕ

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Песни Заратустры

МОСКВА
2017

УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5
Н70

Перевод с немецкого
Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Прометей несёт людям огонь» (1817)
художника Генриха Фридриха Фюгера (1751–1818)

Ницше, Фридрих.

Н70 Песни Заратустры : [перевод с немецкого] /
Фридрих Ницше. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 224 с.

ISBN 978-5-699-96526-7

Другая сторона творчества великого немецкого философа Фридриха Ницше — стихотворения и песни, посвященные Заратустре, поэзия глазами философа, соединение истории, мифа и современности. Философская идея, облеченная в поэтическую форму, создает собственную оригинальную мифологию, наполненную драматическими притчами, проничными афоризмами и полемикой с другими поэтами.

УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5

- © Топоров В., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Парин А., перевод на русский язык, 2017
- © Знаменская И., перевод на русский язык, 2017
- © Голь Н., перевод на русский язык, 2017
- © Степанов С., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96526-7

Дионисийские дифирамбы

ГЛУПЕЦ! ПИИТА!

В часы, когда убывает свет,
когда роса утешеньем
расстиляется по земле,
невидима и ступая неслышно —
ибо обута в мягкое,
как все поспешающие с утешеньем, —
вспоминаешь ли ты тогда,
вспоминаешь ли,
раскаленное сердце,
как встарь ты стремилось
к слезам и росам Небесным,
устало и исступленно,
покуда на желтых осенних тропах
злые взоры вечернего солнца
сквозь черные ветви деревьев к тебе
спускались, слепящие и смертоносные?

«Взыскующий истины — ты? —
Насмешники!

Всего лишь пиита!
Зверь, хитрый, хищный, крадущийся,
на ложь обреченный,
на заведомую неизбывную ложь,
добычи алчущий,
личину носящий,
с личиной сроднившийся,
добычею ставший,
не это ли значит —
взыскующий истины?
Глупец! Пиита!»
Пестро глаголящий,
в шутовском обличье пестро
глаголящий,
по лукавым виадукам словес
восходящий,
по лживым радугам
меж поддельными небесами
крадущийся и шныряющий —
глупец! Пиита!

Взыскующий истины?..

Лишенный покоя, гладкости, круглости
и прохлады
воплощенного образа
колонны Божьей,

не возвышающийся у врат
Храма Божьего, —
нет! ненавидя подобные идола
добродетели,
в любой пустыне природнее,
чем во храме,
полный кошачьего своеволия,
прыгать в любое и из любого окна —
шварк! — При каждом удобном случае
принюхиваясь к признакам
первобытности,
первозданности перволесов,
где, в кругу разномастных хищников,
жил ты, разбойничал,
грешен, здоров, прекрасен,
сладо страстно стеная,
блаженно надменен, блаженно гееннен,
блаженно кровожаден,
хищно, крадучись, жил *во лжи*...

Или подобно орлу, который
долго-долго глаз не отводит
от бездны, от *собственной* бездны...
— О, как они вглядываются,
допытываются, впиваются,
упиваются глубочайшей глубио!
И вдруг,

сразу,
стрелой,
стремглав,
обрушиваются на овечек,
горячие, алчные,
овечек алчущие,
овечинки-человечинки алчущие,
увечной добросердечной овечинки,
благостной, беззащитной
и безотказной,
исполненной подневольного
благоволения...

Следовательно,
орлоподобны, пантерообразны
страсти, владеющие тобою,
твои страсти под тысячею личин,
глупец! Пиита!

Тебе, углядевшему в человеке
божественную овечку,
суждено *разодрать* в человеке Бога,
как разодрал в нем овечку,
и, раздирая, *расхотаться* —
вот в чем, вот в чем твоя благость,
орла благость, пантеры благость,
глупца благость, пииты благость!..

В часы, когда убывает свет,
когда, завистливо зеленея, серп месяца
взрезает пурпурную высь
и крадется в ночь, —
возненавидев день,
на каждом шагу украдкою
срезая своим серпом
стебли роз, чтоб поникли,
чтобы во тьму поникли, —
так я поник и сам:
из безумия истины,
из ежедневных желаний,
устав, заболев от света,
выпал
вниз, в вечер, в страну теней.
Единою Истиной
опаленный и алчущий, —
вспоминаешь ли ты,
                  вспоминаешь ли ты, раскаленное
сердце,
свою тогдашнюю жажду? —
не ведать впредь никакой
Истины!
Быть глупцом! быть пиитой!

ПОСРЕДИ ДЩЕРЕЙ ПУСТЫНИ

1

— Не уходи, — молвил странник, назвавший себя Заратустровой тенью, — останься, не то нас опять одолеет прежняя скорбь, и глухая.

Уже не пенял нам то старый кудесник, уже нас нахваливал, и погляди-ка, у доброго честного попаика слезы сверкнули в глазах, и заскользил он опять всей душою в пучину печали.

Этим царям делать нынче хорошую мину вольно, но, не будь здесь свидетелей, биться готов об заклад, зло своею игрой и над ними бы возобладало:

зло своею игрой тяжких туч, влажной скорби, туманного неба, пропавшего солнца, глухого осеннего ветра,

зло своею игрой нашим плачем и нашей нуждой: оставайся у нас, Заратустра! Здесь

хватит сокрытых несчастий, стремящихся к слову, здесь вечера хватит, и туч, и немного пространства!

Ты напитал нас могучею пищей мужчины и сочною речью: ужели позволишь на сладкое жертвенным женственным призракам нас одолеть!

Ты, только ты сделал воздух вокруг тебя сильным и ясным! Где будет дышаться мне так хорошо, как с тобою в пещере?

Многие страны я видел и воздухом всяким дышал и умел различать его: только с тобою попал я на пир обонянья!

Разве что... разве что... Но да прости мне и память об этом! Прости мне ту старую сладкую песнь, что сложил я когда-то меж дочерей пустыни.

Ибо и там мне дышалось светло и свежо на заре азиатской; там был я безмерно далек от печальной, подернутой влажными тучами, старой Европы!

Любы мне были тогда азиатские девы и прочее небесно-синее царство, которое не застилало ни тучи, ни мысли.

Вам не поверить, как статно они восседали, когда не плясали, — глубокие, но без раздумий, — как малые тайны, как скрытые

в чреслах загадки, как сладкое блюдо, орешки, —

пёстро и чуждо воистину! но не под тяжестью туч: как загадки, посильные сердцу, и этим-то девам в угоду сложил я мой сладкий псалом!

Так молвил странник, назвавший себя Заратустровой тенью, и прежде чем кто-нибудь что-то на это ответил, арфу схватил он кудесника старого, ноги скрестил и взглянул отрешенно и мудро вокруг, — но ноздрями он втягивал воздух, медленно и испытующе — так, словно пробовал новое блюдо. И наконец он запел, если это рычание — песнь.

2

Не прячь пустыню, ведь она растет...

3

Ах!..

Торжественно!..

Достойная встреча!

По-африкански торжественная!

Достойная льва

или рыкающего нравоучениями бабуина.

— Лишь ничего не достается вам,
дражайшие сударыни,
у ног которых было дозволено
мне, европейцу под сенью пальм,
посиживать. Вот такие дела.

Воистину волшебство!
Сижу я ныне
возле самой пустыни, но
вдали от любой пустыни,
вопустынясь в ничтожестве:
дав себя проглотить
оазису здешнему, —
крошечный, как он призывно
зеваает
благоуханнейшим своим ртом, —
как тут не рухнуть,
не пасть, не прорваться,
не оторваться от вас,
дражайшие сударыни. Вот такие дела.

Слава, слава сему Киту,
о благоденствии помышляющему
и гостя здешнего. Вам
внятен ли мой намек?..
Слава его чреву,
будь оно